

Е. Ю. Зубкова

**«Победа и великое Прощание»:
коллективная память и политика памяти
о Великой Отечественной войне.
1945–1965 гг.**

Процессу формирования памяти о Великой Отечественной войне на разных уровнях и в различных форматах посвящен обширный комплекс литературы, который существенно пополняется по мере приближения очередного юбилея¹. Это понятно: в России память о Войне и Победе имеет особое значение. Как свидетельствуют опросы, 9 мая — День Победы — относится к числу самых популярных и почитаемых в народе общероссийских праздничных дат². Одна часть россиян считает День Победы официальным государственным праздником, другая — народным. Эти оценки являются весьма показательными и отражают сложную структуру коллективной памяти о войне, в которой жизненный опыт и переживания поколений переплетаются с государственным церемониалом и популярными мифами. Так, в России существуют и сосуществуют несколько памятей о войне: одна формировалась спонтанно, другая была результатом реализации целевого государственного проекта — политики по конструированию памяти. Но в точке отсчета — 9 мая 1945 года — эти памяти еще были одним целым.

«Не всякому поколению выпадают в жизни дни, подобные тому, который пережили мы вчера, 9 мая 1945 г. Думается мне, что не было еще в истории человечества таких светоносных праздников, такого могучего торжества

справедливости, такого праздника сбывающихся надежд», — делился своими первыми, «горячими» впечатлениями писатель Лев Кассиль, находившийся в эпицентре народного победного ликования — на Красной площади столицы³.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1945 г. день 9 мая был объявлен нерабочим — «днем всенародного торжества — Праздником Победы»⁴. Со стихийного ликования и салюта в Москве все только начиналось. Люди ждали продолжения и сочиняли собственные сценарии праздника — от торжественного въезда в столицу полководцев-победителей до широких манифестаций по всей стране. Настроения москвичей, например, передавали секретные сводки: «На многих предприятиях распространен слух о том, что якобы 20, 21 и 22 мая народ будет праздновать победу и не будет работать. Устанавливается, что в первый день состоится встреча войск и маршалов Советского Союза Жукова, Конева, Рокоссовского. Прибудут они на Белорусский вокзал. От вокзала до Красной площади будут настланы ковры, по которому пройдет народ и пронесет на руках маршалов. Во второй день состоится молебен в знак памяти павших в боях за Родину воинов. На третий день состоится народная демонстрация»⁵.

В этом и других аналогичных самостийных сценариях отразились особенности народного восприятия войны и победы, соединивших коллективный триумф и коллективную травму. «Об окончании войны я узнал утром на улице — по лицам и поведению прохожих: одни смеялись и обнимали друг друга, другие одиноко плакали, — вспоминал переживший самые тяжелые месяцы ленинградской блокады Д. С. Лихачев. — Какое другое событие могло вызвать столько радости и такую волну горя? Плакали о тех, кто погиб, умер от истощения в Ленинграде, не дождался встречи с родными, кто оказался изуродованным и нетрудоспособным. Я и сам, прежде чем взять в руки газету, думал о многих самых близких мне людях, умерших от голода в Ленинграде и убитых на фронте»⁶.

Официальные церемонии в честь Победы — прием командующих войсками Красной армии в Кремле 24 мая и особенно Парад Победы 24 июня — запомнились многим: красочное шествие войск и боевой техники, маршал Жуков на белом коне, Сталин на мавзолее, поверженные немецкие штандарты. Не обошлось и без критики в адрес организаторов торжеств: больше всего разочарований у обычных граждан вызывало «недостаточное», с их точки зрения, чествование победителей и фактическое отсутствие поминальной компоненты — дани памяти павших⁷.

Но в целом в 1945 г. и в первые послевоенные годы народный праздник и официальные торжества еще сливались воедино, а настроения снизу даже корректировали государственный праздничный канон. Так, не увенчалась успехом попытка ввести два Праздника Победы — 9 мая и 3 сентября. Установленный Указом Президиума Верховного Совета СССР от 2 сентября 1945 г. еще один нерабочий День победы над Японией в народе «не прижился», и в мае 1947 г. —

без объяснения причин — он был переведен в категорию рабочих дней⁸. Через несколько месяцев подобная метаморфоза коснется и праздника 9 мая, статус которого с 1948 г. тоже будет понижен до рабочего дня. Формальным критерием рокировки послужило объявление выходным новогоднего праздника 1 января⁹, но реальные причины этого решения лежали глубже и касались политики памяти.

Процесс конструирования памяти о войне в Советском Союзе начался еще во время войны, однако как целевой проект он осуществлялся уже после ее окончания. Первые послевоенные годы стали не только стартовой точкой воплощения коммеморативного проекта в жизнь, этот период занимает особое место в формировании пространства памяти о войне вообще: живой опыт войны, войны как *переживания* перерабатывался и переводился в иное качество — становился войной-*воспоминанием*. Из индивидуальных и коллективных воспоминаний формировался ландшафт памяти — довольно сложный и разноликий, поскольку война была у каждого своя — у тех, кто воевал и работал в тылу, кто побывал в плену или штрафбате, кто вернулся домой, к семье и кто все потерял. Игнорировать этот опыт было невозможно, но его можно было использовать, приспособляя под текущую политическую повестку.

Инструментализация коллективной памяти о войне носила управляемый и многоцелевой характер. Во-первых, в целях сохранения стабильности режима важно было не допустить критической рефлексии опыта войны. Вторая цель государственного коммеморативного проекта заключалась в стремлении использовать опыт войны и факт военной победы для легитимации режима. Наконец, была третья цель — вполне прагматическая: управляемая память о войне должна была стать частью мобилизационного ресурса для решения задач послевоенного восстановления¹⁰.

Эффективность этого проекта строилась прежде всего на значимости личного опыта войны для современников: политика памяти учитывала общественный запрос. Однако этот запрос модифицировался в соответствии с политическим алгоритмом: опыт войны, его осмысление, выводится из пространства общественного дискурса, происходит его селекция по принципу «помнить и забыть». Часть воспоминаний о войне переводится в табуированную зону, другая — сакрализуется и мифологизируется. В процессе селективного отбора в сектор «забвения» попадают прежде всего негативные воспоминания о войне, воспоминания о травме. Так, в табуированную зону в числе прочих запретных тем попадает ленинградская блокада¹¹. Сакральный образ «священной войны» исключает какую-либо критическую рефлексию военного опыта и переживаний. Одновременно происходит еще один важный процесс — замещение и вытеснение одной памяти другой: *память о войне* замещается *памятью о Победе*¹².

Он сопровождается канонизацией главного символа Победы — Сталина как вождя-победителя. В первом победном выпуске газеты «Правда» 9 мая 1945 г. в редакционной статье акценты в распределении прав на победу были

расставлены уже достаточно однозначно: «Победа не пришла сама собой. Она одержана самоотверженностью, героизмом, воинским мастерством Красной армии и всего советского народа. Ее организовала наша непобедимая большевистская партия, партия Ленина-Сталина, к ней привел нас великий Сталин... Да здравствует наша великая сталинская Победа! (здесь и далее выделено мной. — Е.З.)»¹³. Победа была названа одновременно «нашей» и «сталинской», но смысл подтекста был очевиден: «нашей» победа стала только потому, что она изначально была «сталинской». В том же номере «Правды» в разделе «Вести из страны» победа характеризовалась как «день, предсказанный товарищем Сталиным»¹⁴. «Так вот он, этот день! Его нам дарит Сталин», — подхватывал эти настроения поэт Максим Рыльский¹⁵.

В Обращении к народу самого Сталина, с которым он выступил по радио 9 мая 1945 г., тема «прав на Победу» звучала несколько иначе. Вождь обращался к «соотечественникам и соотечественницам», отдавая должное народу-победителю: «Великие жертвы, принесенные нами во имя свободы и независимости нашей Родины, неисчислимые лишения и страдания, пережитые нашим народом в ходе войны, напряженный труд в тылу и на фронте, отданный на алтарь отечества, — не прошли даром и увенчались полной победой над врагом»¹⁶. Обращение содержало один нюанс: в нем не было ни слова сказано о партии и ее роли в организации Победы. Сталин просто исключил это промежуточное звено между собой и народом. Он выступал как народный вождь, который аккумулирует в себе волю миллионов и которому сам народ делегировал право на победу. Илья Эренбург в очерке «Утро мира» представил Сталина в роли капитана, который провел страну через страшный шторм: «Сталин <...> как бы пережил горе каждого из нас и с каждым — вместе сражался и побеждал, и не одно сердце бьется под его солдатской шинелью, а двести миллионов сердец. Вот почему имя Сталина не только у нас, во всем мире связано с концом ночи, с первым утром счастья»¹⁷.

9 мая 1945 г. была учреждена медаль «За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». На медали — изображение Сталина в профиль (пока еще в форме маршала) и слова «Наше дело правое. Мы победили». О персонализации образа победы Степан Щипачев напишет стихи: «Тебя мы в лицо увидали, / Был путь суров и велик / На бронзовых наших медалях / Твой сталинский профиль отлит»¹⁸. Так формировался официальный лик Победы — со сталинским профилем. Начиная с победного выпуска 1945 г. «Правда» 9 мая выходила с большим портретом Сталина, а сам он презентировался как «вдохновитель и организатор» военных побед — статус, подтвержденный спустя несколько дней званием генералиссимуса. Так продолжалось шесть лет, а в 1951 г. центральные газеты 9 мая вышли без привычного портрета канонизированного символа победы.

Образ Сталина как главного творца победы продолжал транслироваться в СМИ, художественной литературе, кинематографе. Изменение визуального

ряда в презентации памятной даты было связано не с его деперсонализацией, а с общим трендом — сменой алгоритма освещения войны и победы, которая произошла в конце 1940-х гг.: в центральной и региональной прессе снижается детальность и эмоциональная насыщенность в представлении праздничных мероприятий, как и общее количество материалов, посвященных народному празднику¹⁹.

Процесс замещения памяти о войне памятью о Победе сопровождался героизацией войны и замалчиванием ее травматических сторон. Даже памятная дата 22 июня — начало Великой Отечественной войны — подавалась в победном ракурсе — как «поворотный пункт всей Второй мировой войны», когда «Советский Союз и его героическая армия спасли мировую цивилизацию», а исход войны означал «победу советского общественного и государственного строя» и стал возможен только благодаря руководству «великого вождя, гениального полководца», «величайшего полководца всех времен и народов», «вдохновителя и организатора всех всемирно-исторических побед советского народа» И. В. Сталина²⁰. Значительное место в презентации темы войны в связи с датой 22 июня отводилось успехам послевоенного восстановления — пафосу победного возрождения страны. О цене победы, потерях и жертвах либо не упоминалось вообще, либо о них говорилось глухо: война называлась «великим испытанием», победа была завоевана «дорогой ценой»²¹, Красная армия с первых дней войны готовила наступление, «несмотря на жертвы и потери»²².

Из общей тональности послевоенной центральной прессы выбивается номер «Правды» за 22 июня 1949 г., в редакционной статье которого тема потерь звучит уже более определенно: *«Нелегко далась нам, советским людям, эта великая победа. Она потребовала <...> серьезных лишений, тяжелых жертв... Да, потери наши в результате войны были огромны, жертвы наши — неисчислимы»*²³. Этот материал созвучен словам Сталина, произнесенным 9 мая 1945 г. Вождь говорил о «великих жертвах» и «неисчислимых страданиях», которые были положены на «алтарь Отечества»²⁴.

Вытеснение на обочину памяти травматического опыта войны было частью государственной политики, но в определенной степени оно отвечало и настроениям общества. Таковы особенности человеческой памяти вообще: преодоление негативных переживаний является способом выхода из состояния травмы. Для истощенного и глубоко травмированного войной общества отторжение экстремальности стало способом выживания. Но это не значит, что люди были готовы забыть о том, какой человеческой ценой была одержана победа. В сознании большинства современников прочно соединились два главных смысла пережитого — «Победа и великое прощание». Так образно обозначил эту особенность коллективной памяти о войне Александр Твардовский²⁵.

Еще в самом конце войны поэт размышлял о моральном долге выживших перед памятью погибших: *«<...> павших героев и мучеников этой войны не меньше, чем живых. И уже хотя бы потому, что сами о себе они ничего не скажут,*

они заслуживают того, чтобы память о них врубить в сознание людей как-то более осязаемо, чем это делается обычно»²⁶. «Павших памяти священной»²⁷ посвятил Твардовский своего «Теркина» — самую популярную, «народную» книгу о войне на войне.

Сразу после окончания войны, когда еще только формировался государственный коммеморативный канон, именно поэзия стала мемориальной формой, в наибольшей степени отвечающей общественному запросу на правду о войне. Не у всех и не сразу это получалось. «Война кончилась, отменив скидки, допуски на военное положение, — вспоминал поэт Борис Слуцкий. — Надо было писать о ней всю правду, и, вернувшись с войны, я обнаружил, что у Исаковского во “Враги сожгли родную хату” и у Твардовского в новой поэме²⁸ эта правда наличествует, а у моих учителей, в частности Сельвинского, отсутствует»²⁹.

Стихотворение «Враги сожгли родную хату» Михаил Исаковский написал в 1945 г., в 1946 г. оно было опубликовано в журнале «Знамя»³⁰. Почти сразу композитор Матвей Блантер положил стихи на музыку — появилась песня, известная также под другим названием — «Прасковья». Песня, отразившая трагизм возвращения на пепелище, стала знаковой — народной по настроению и стилю. Не менее символичной оказалась и ее история: записанная на радио и однажды исполненная на торжественном концерте в Колонном зале, она попала под запрет и вновь прозвучала лишь 14 лет спустя, в 1960 г.³¹

О причинах опалы М. В. Исаковский рассказывал: «Редакторы — литературные и музыкальные — не имели оснований обвинить меня в чем-либо. Но они были убеждены и тщились убедить других, что *Победа исключает трагические песни, будто война не принесла народу ужасного горя*. Это был какой-то психоз, наваждение. <...> Был один, прослушал, заплакал, вытер слезы и сказал: “Мы не можем...” “Чего не можем?” Я думал, он не может не плакать, а оказывается, пропустить песню на радио не может»³².

Отнести такое решение однозначно к установкам сверху невозможно: одновременно с цензурными ограничениями и запретами получали государственную поддержку книги о войне, идущие наперекор литературному мейнстриму. В 1947 г. Сталинской премией были отмечены повесть В. П. Некрасова «В окопах Сталинграда» и поэма А. Т. Твардовского «Дом у дороги», о которой упомянул Б. А. Слуцкий. Изывая те или иные произведения из репертуара, библиотек, собраний сочинений, цензоры привычно перестраховывались, не столько следуя прямым указаниям, сколько улавливая тренд времени. Травматический опыт если и артикулировался, то должен был остаться за порогом войны. Тема возвращения к мирной жизни не могла иметь негативных коннотаций. Не случайно под огонь критики попала вторая серия кинофильма «Большая жизнь», тот же Некрасов обвинялся в «ремаркизме» за свою повесть «В родном городе»³³, а песня Исаковского и Блантера была вовсе запрещена.

Точно так же мотив травмы исключался из публичного визуального ряда. Это касалось, например, инвалидов войны. На советских плакатах фронтовики изображались исключительно здоровыми и жизнерадостными людьми, инвалидов среди них не было. Редким исключением являлся плакат общества Красного креста и Красного полумесяца с призывом: «Инвалидам Отечественной войны, доблестным защитникам — нашу любовь, нашу заботу» (1946 г., художник Г. Шубина). Но и этот плакат, изображающий инвалида-фронтовика, не имел травматического подтекста и символизировал успешное возвращение.

Память о жертвах в рамках государственной политики в первые послевоенные годы тоже была отчасти востребована, но, главным образом, в одном контексте — новой военной угрозы. Напоминание о жертвах минувшей войны и культивирование призрака войны грядущей стало для режима способом достижения общественного консенсуса: народ был готов принять даже самые непопулярные решения, если те мотивировались стремлением избежать нового военного конфликта. «Только бы не было войны» — эта популярная присказка сформировала философию жизни не одного поколения советских граждан. И тоже стала частью коллективной памяти.

5 марта 1953 г. ушел из жизни персонифицированный символ победы, а 9 мая 1953 г. слова «День Победы» и «Победа» исчезли из газетных заголовков и были упомянуты только в опубликованном здесь же традиционном приказе министра обороны СССР. Вместе с тем образ вождя-победителя уже стал неотделим от имиджа Сталина, отчасти поэтому тема войны и победы стала звучать более приглушенно — произошла своеобразная «десталинизация образа Победы»³⁴. Н. С. Хрущев, прошедший войну и закончивший ее в звании генерал-лейтенанта, часто апеллировал к опыту минувшей войны — но уже в контексте не «права на победу», а гарантии мира — во избежание будущих военных конфликтов: так Сталина-победителя сменил Хрущев-миротворец³⁵. В парадной генеральской форме со всем наградами Хрущев появился лишь однажды — 21 июня 1961 г. в Большом Кремлевском дворце в связи с 20-летием начала Великой Отечественной войны³⁶. Торжественный форум, официально обозначенный как столичное мероприятие («собрание представителей общности Москвы»), имел общегосударственное значение — и не только по месту проведения и составу участников. Он обозначил определенный рубеж в государственной политике памяти, когда война и победа снова перемещаются в центр общественного внимания.

Этот поворот нашел отражение в том числе в практиках мемориализации — создании мест памяти и монументальных символов-памятников³⁷. Идея сооружения таких мемориальных комплексов возникла еще во время войны. В новых генеральных планах городов, над которыми архитекторы начали работать в 1943 г., монументы в память о Великой Отечественной войне и ее главных событиях должны были стать одной из ключевых доминант городского пространства — его «образно-смысловым ядром»³⁸.

Разрабатывались проекты отдельных монументов и мемориальных комплексов. Одна из первых инициатив принадлежала Б.М. Иофану, который предложил включить тему Великой Отечественной войны и побед Красной армии в проект Дворца Советов³⁹. В апреле 1944 г. к Сталину обратилась группа деятелей культуры: речь шла о возведении «монументального памятника Отечественной войны — Пантеона Славы». Примечательно, что монумент задумывался как «народный», его предлагалось построить на добровольные народные средства, в том числе за счет взносов деятелей культуры⁴⁰. Идея «народного» памятника потом неоднократно повторялась в других письмах-обращениях. Авторы таких писем рассуждали следующим образом: «У нас война была все-народная, в ней участвовал весь многомиллионный советский народ, этому народу и должна быть предоставлена возможность отразить результаты этой войны, результаты великих трудов и лишений, принесенных народом на алтарь Отечества — Великую Победу»⁴¹.

Вопрос о сооружении памятников на народные средства ставился и в связи с пониманием ограниченности государственных ресурсов — финансовых и материальных — для осуществления масштабных проектов: время монументов еще не пришло. Людей беспокоило другое. «К нам приходит много народа из семей погибших, они ставят вопрос, что памяти нет никакой», — делился один из участников совещания в Московском городском комитете ВКП(б) в июле 1946 г.⁴² Потребность в материализации памяти для людей была важнее конкретной формы ее воплощения: «Пусть на первое время будет не очень казисто, а через 10 лет мы разбогатеет, будут у нас солидные мастерские. Но если сейчас сделаем, будет впечатление, что сделали что-то»⁴³. И такие мемориальные места в первые послевоенные годы стали возникать повсюду — «самостоятельно» или по инициативе предприятий и местной администрации: памятники погибшим ставили заводы, жители городов и деревень.

Однако государственной программы мемориализации войны и победы по-прежнему не существовало. Ситуация была общей и касалась она не только памятников Великой Отечественной войны: после утверждения Совнаркомом в 1918 г. предложенного В.И. Лениным перечня памятников выдающимся людям (65 имен) правительством было принято до 1946 г. только по Москве еще около 40 аналогичных решений, но с 1932 по 1947 г. все ограничилось сооружением в столице одного бюста⁴⁴ и закладкой нескольких памятников⁴⁵. По решению Моссовета сооружение Монумента Великой Отечественной войны намечалось на 1950 г., однако он так и не появился. В апреле 1948 г. «в связи с многочисленными письмами трудящихся в ЦК ВКП(б)» и выступлениями печати в апреле 1948 г. была создана комиссия⁴⁶, которая должна была подготовить предложения о сооружении памятников и монументов в Москве. Однако, как констатировала проверка отдела пропаганды и агитации ЦК ВКП(б), проведенная в ноябре 1950 г., комиссия со своей задачей не справилась, а «дело сооружения памятников, монументов и бюстов находится в крайне запущенном состоянии»⁴⁷.

В июне 1955 г. в ЦК КПСС обратился Г. К. Жуков. Маршал писал: «За 10 лет, прошедших после Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., у нас в стране не создано ни одного значительного памятника, который отобразил бы великие подвиги советского народа и его армии <...>». Жуков предлагал принять специальное постановление Совета Министров СССР о сооружении нескольких таких монументов — в Москве, Ленинграде, Сталинграде, Одессе, Севастополе⁴⁸. Решение по этому вопросу было принято Президиумом ЦК КПСС 24 января 1957 г.⁴⁹ В мае 1957 г. появилось еще одно постановление — о сооружении памятника Победы в Москве на Поклонной горе, в связи с чем был объявлен всесоюзный конкурс. Памятник предполагалось открыть к 15-летию Победы, в 1960 г.⁵⁰ Однако открытие не состоялось: по мнению авторитетного жюри, среди представленных на конкурс эскизов не было проекта, «который в должной мере раскрывал бы идею торжества победы советского народа над фашизмом»⁵¹. В 1960 г. состоялось открытие мемориального комплекса на Пискаревском кладбище в Ленинграде, в 1967 г. — на Мамаевом кургане в Волгограде⁵². У монумента Победы на Поклонной горе была самая долгая история: его открытие пришлось только на 50-летний юбилей Победы 9 мая 1995 г. Своя и тоже довольно продолжительная история была у мемориала защитникам Ленинграда⁵³.

В мае 1965 г. день Победы 9 мая был «восстановлен в правах» как всенародный праздник и день памяти⁵⁴. 1965 год — одна из самых значимых рубежных вех в истории памяти о Войне и о Победе, когда оба эти события обрели символическое единство торжества и скорби⁵⁵. День 9 мая, начавшийся с парада Победы, закончился минутой молчания. В преддверии юбилейной даты журнал «Советский Союз» поместил на своей обложке самую известную и традиционно символизирующую Победу фотографию — водружение победного знамени над рейхстагом. Непривычной, а потому символической вдвойне была подпись к ней: «*Кончилось!*» Это был знак Миру. И одновременно выход из Войны.

¹ См., например: Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа / Под ред. М. Габовича. М., 2006; Головашина О. В., Линченко А. А., Аникин Д. А. Память о Великой Отечественной войне: День Победы в историческом сознании россиян // Социологические исследования. 2017. № 3. С. 123–133; Бордюгов Г. А. Сталин: культ юбилеев в пространствах памяти и власти. М., 2019; Клинова М. А., Трофимов А. В. Великая Отечественная война: коммеморативные практики и образы в газетной периодике (1946–1965 гг.) // Уральский исторический вестник. 2021. № 2. С. 36–45; Историческая память о Великой Отечественной войне: проблемы эволюции, формирования и восприятия: Материалы международной научно-практической конференции «Историческая память о Великой Отечественной войне: проблемы эволюции, формирования и восприятия», Саратов, 10–11 ноября 2021 г. / Отв. ред. С. Ю. Наумов. СПб., 2022; Попов А. Д., Пивоваров Н. Ю., Сак К. В. Ритмы прошлого: первые годовщины Великой Отечественной войны в советской политике памяти (1945–1965) // Российская история. 2023. № 3. С. 95–114; и др.

- ² По данным ВЦИОМ, в 2024 г. 61 % россиян называли День Победы самым важным для себя праздником. Начиная с 2018 г. 9 Мая возглавляет рейтинг отмечаемых в России праздников, опережая Новый год и Пасху. См.: 9 мая и память о Великой Отечественной войне // ВЦИОМ Новости. 2024. 7 мая. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/9-maja-i-pamjat-o-velikoi-voine> (дата обращения: 25.12.2024).
- ³ *Кассиль Л.* Москва торжествует // Московский большевик. 1945. 10 мая.
- ⁴ Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об объявлении 9 мая Праздником Победы». 8 мая 1945 г. // Правда. 1945 г. 9 мая.
- ⁵ Из информации Оргинструкторского отдела МГК ВКП(б) Г. М. Попову — о политических настроениях москвичей в связи с окончанием войны. 18 мая 1945 г. // Москва послевоенная. 1945–1947. Архивные документы и материалы. М., 2000. С. 48.
- ⁶ *Лихачев Д. С.* Я вспоминаю. М., 1991. С. 61–62.
- ⁷ Информации Оргинструкторского отдела МГК ВКП(б) Г. М. Попову — об откликах трудящихся на выступление т. Сталина на приеме в честь командующих войсками Красной армии. 26 мая 1945 г. // Москва послевоенная. 1945–1947. С. 52–53.
- ⁸ Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об изменении Указа Президиума Верховного Совета СССР от 2 сентября 1945 г.». 7 мая 1947 г. // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. — июль 1956 г. М., 1956. С. 376.
- ⁹ Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об объявлении 1 января нерабочим днем». 23 декабря 1947 г. // Сборник законов СССР и указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938 г. — июль 1956 г. М., 1956. С. 376.
- ¹⁰ Как полагают эксперты, память о войне стала одним из «наиболее эффективных символических ресурсов советского руководства». См.: *Попов А. Д., Пивоваров Н. Ю., Сак К. В.* Ритмы прошлого. С. 114.
- ¹¹ О восприятии блокады ленинградцами две лучшие — главные — книги на эту тему: *Адамович А., Гранин Д.* Блокадная книга. М., 2005; *Яров С.* Блокадная этика. Представления о морали в Ленинграде в 1941–1942 гг. М.; СПб., 2013. О разных трактовках блокады в современной историографии см.: Битва за Ленинград 1941–1944 гг.: подвиг города-героя в Великой Отечественной войне. СПб., 2019; *Болдовский К. А.* Блокадный Ленинград: новые источники и исследования // Российская история. 2022. №. 3. С. 135–145; Война и блокада: сборник памяти В. М. Ковальчука / Отв. ред. А. И. Чистиков. СПб., 2016; *Ломагин Н. А.* Постигаая смысл блокады: новые методы изучения блокадной повседневности // Новейшая история России. 2023. №. 4. С. 833–839; и др.
- ¹² Е. А. Добренко пишет в этом контексте о «дереализации опыта Войны и превращении его в историю Победы» (*Добренко Е. А.* Поздний сталинизм. Эстетика политики. Т. 1. М., 2020. С. 60).
- ¹³ Праздник Победы // Правда. 1945. 9 мая.
- ¹⁴ Первое слово обращено к Сталину // Правда. 1945. 9 мая.
- ¹⁵ *Рыльский М.* День Победы // Правда. 1945. 9 мая.
- ¹⁶ Обращение тов. И. В. Сталина к народу // Правда. 1945. 10 мая.
- ¹⁷ *Эренбург И.* Утро мира // Правда. 1945. 10 мая.
- ¹⁸ *Щипачев С.* Победа // Правда. 1947. 9 мая.
- ¹⁹ *Клинова М. А., Трофимов А. В.* Великая Отечественная война. С. 40–41.
- ²⁰ Пятая годовщина Великой Отечественной войны // Правда. 1946. 22 июня; Великий советский народ — герой и созидатель // Правда. 1947. 22 июня; Великий советский народ — победитель // Правда. 1948. 22 июня; Всемирно-историческая победа советского строя // Правда. 1949. 22 июня.
- ²¹ Великий советский народ — победитель // Правда. 1948. 22 июня.
- ²² Пятая годовщина Великой Отечественной войны // Правда. 1946. 22 июня.
- ²³ Всемирно-историческая победа советского строя // Правда. 1949. 22 июня.
- ²⁴ Обращение тов. И. В. Сталина к народу 9 мая 1945 года // Правда. 1945. 10 мая.
- ²⁵ «Суда живых — не меньше павших суд / И пусть в душе до дней моих скончанья / Живет, гремит торжественный салют / Победы и великого прощанья» (*Твардовский А.* В тот

- день, когда окончилась война. 1948 г. URL: <https://www.culture.ru/poems/6988/v-tot-den-kogda-okonchilas-voyna> (дата обращения: 15.12.2024)).
- ²⁶ Письмо А. Т. Твардовского М. И. Твардовской. 15 апреля 1945 г. // Твардовский А. Т. «Я в свою ходил атаку...». Дневники. Письма. 1941–1945. М., 2005. С. 370.
 - ²⁷ Твардовский А. Василий Теркин. Книга про бойца. М., 1976. С. 226.
 - ²⁸ Речь идет о поэме А. Т. Твардовского «Дом у дороги» (1946). В 1947 г. — Сталинская премия.
 - ²⁹ Слуцкий Б. А. О других и о себе. М., 2019.
 - ³⁰ Исаковский М. Враги сожгли родную хату // Знамя. 1946. №7. С. 63.
 - ³¹ Об истории песни см.: Аннинский Л. Михаил Исаковский: «Болото. Лес. Речные камыши. Деревья. Трактор. Радио. Динамо». URL: <https://anninsky.ru/index.php/mikhail-isakovskij> (дата обращения: 15.12.2024); Минаков С. Вино с печалью пополам // Сибирские огни. 2009. № 5. URL: <https://сибирскиеогни.рф/content/vino-s-pechalyu-popolam> (дата обращения: 14.12.2024).
 - ³² Цит. по: Долматовский Е. Главный песенник // Воспоминания о М. Исаковском. М., 1986. С. 174.
 - ³³ Лазарев Л. И. Записки пожилого человека: Книга воспоминаний. М., 2005. С. 25.
 - ³⁴ Клинова М. А., Трофимов А. В. Великая Отечественная война. С. 44.
 - ³⁵ Подробнее см.: Зубкова Е. Ю. «Не-сталинский» Советский Союз: формирование и трансформация нового международного имиджа страны в годы оттепели (1953–1968) // Российская история. 2023. № 6. С. 13–25.
 - ³⁶ Попов А. Д., Пивоваров Н. Ю., Сак К. В. Ритмы прошлого. С. 104.
 - ³⁷ Попов А. Д. Мемориальное сооружение как источник по истории памяти: комплексный подход к изучению // Уральский исторический вестник. 2024. № 3 (84). С. 98–106.
 - ³⁸ Косенкова Ю. Л. Советский город 1940-х — первой половины 1950-х годов: От творческих поисков к практике строительства. Изд. 2-е, доп. М., 2009. С. 58.
 - ³⁹ Письмо Б. М. Иофана И. В. Сталину и В. М. Молотову. 18 февраля 1943 г. // Памятник Победы. История сооружения мемориального комплекса Победы на Поклонной горе в Москве. Сборник документов. 1943–1991 гг. М., 2005. С. 11–12.
 - ⁴⁰ Письмо группы деятелей культуры И. В. Сталину. 2 апреля 1944 г. // Памятник Победы. С. 22–23.
 - ⁴¹ Письмо инженеров-проектировщиков Т. И. Скрипника и С. В. Петрова И. В. Сталину. [28 января 1947 г.] // Памятник Победы. С. 62.
 - ⁴² Из стенограммы заседания в МГК ВКП(б) Комиссии по проведению Дня танкиста в Москве. 29 июля 1946 г. // Москва послевоенная. 1945–1947. С. 163.
 - ⁴³ Там же.
 - ⁴⁴ Бюст хирургу С. И. Спасокукоцкому (1945).
 - ⁴⁵ Справка к списку существующих и намеченных к сооружению памятников в гор. Москве. [Не ранее 5 марта 1945 г.] // Памятник Победы. С. 79.
 - ⁴⁶ Комиссия была создана по решению Секретариата ЦК ВКП(б) в составе Д. Шепилова, Г. Попова и П. Лебедева.
 - ⁴⁷ Памятник Победы. С. 81.
 - ⁴⁸ Письмо Г. К. Жукова в ЦК КПСС. 14 июня 1955 г. // Памятник Победы. С. 85–86.
 - ⁴⁹ Постановление Президиума ЦК КПСС «О сооружении памятников и монументов в ознаменование побед советского народа и его вооруженных сил в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» 24 января 1956 г. // Памятник Победы. С. 121.
 - ⁵⁰ Постановление Президиума ЦК КПСС «О сооружении памятника Победы в г. Москве». 31 мая 1957 г. // Памятник Победы. С. 127.
 - ⁵¹ Записка Госстроя СССР и Мосгорисполкома «О результатах конкурса на лучший проект памятника Победы в г. Москве». [Не позднее 16 апреля 1960 г.] // Памятник Победы. С. 151.
 - ⁵² Об истории создания мемориала на Мамаевом кургане см.: Попов А. Д. Создание мемориального комплекса «Героям Сталинградской битвы» на Мамаевом кургане: историческая

память, искусство и советская монументальная пропаганда // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2023. Т. 28. № 1. С. 209–221; Palmer S. How memory was made: The construction of the memorial to the heroes of the battle of Stalingrad // The Russian Review. 2009. Vol. 68, iss. 3. P. 373–407.

⁵³ Басс В. Г. Модернистский монумент для классического города // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2019. № 6. С. 61–84.

⁵⁴ Указ Президиума Верховного Совета СССР «Об объявлении 9 мая нерабочим днем». 26 апреля 1965 г. // Ведомости Верховного Совета СССР. 1965. № 17. Ст. 226.

⁵⁵ Подробнее см.: Попов А. Д., Пивоваров Н. Ю., Сак К. В. Ритмы прошлого. С. 95–114.

References

Adamovich, A., Granin, D. *Blokadnaya kniga* [Blockade Book. In Russ.]. Moscow, Terra — Knizhnyi klub, 2005. 317 + 349 p.

Bass, V. G. Modernistskii monument dlya klassicheskogo goroda [A Modernist Monument for a Classical City. In Russ.]. In *Neprikosnovennyi zapas. Debaty o politike i kul'ture*. 2019. No. 6, pp. 61–84.

Boldovskii, K. A. Blokadnyi Leningrad: novye istochniki i issledovaniya [Siege of Leningrad: New Sources and Research. In Russ.]. In *Rossiiskaya istoriya*. 2022. No. 3, pp. 135–145.

Bordyugov, G. A. *Stalin: kul't yubileev v prostranstvakh pamyati i vlasti* [Stalin: the Cult of Anniversaries in the Spaces of Memory and Power. In Russ.]. Moscow, AIRO-XXI, 2019. 192 p.

Chistikov, A. I. (ed.). *Voina i blokada: sbornik pamyati V. M. Koval'chuka* [War and Blockade: A Collection in Memory of V. M. Kovalchuk. In Russ.]. St. Petersburg, Nestor-Istoria, 2016. 381 p.

Dobrenko, E. A. *Pozdnii stalinizm. Estetika politiki* [Late Stalinism. Aesthetics of Politics. In Russ.]. Vol. 1. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2020. 712 p.

Gabovich, M. (ed.). *Pamyat' o voine 60 let spustya: Rossiya, Germaniya, Evropa* [War Memory 60 Years Later: Russia, Germany, Europe. In Russ.]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2006. 784 p.

Golovashina, O. V., Linchenko, A. A., Anikin, D. A. Pamyat' o Velikoi Otechestvennoi voine: Den' Pobedy v istoricheskom soznanii rossiyan [Memory of the Great Patriotic War: Victory Day in the Historical Consciousness of Russians. In Russ.]. In *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2017. No. 3, pp. 123–133.

Klinova, M. A., Trofimov, A. V. Velikaya Otechestvennaya voina: kommoriativnye praktiki i obrazy v gazetnoi periodike (1946–1965 gg.) [The Great Patriotic War: Commemorative Practices and Images in Newspaper Periodicals (1946–1965). In Russ.]. In *Ural'skii istoricheskii vestnik*. 2021. No. 2, pp. 36–45.

Kosenkova, Yu. L. *Sovetskii gorod 1940-x — pervoi poloviny 1950-x godov: Ot tvorcheskikh poiskov k praktike stroitel'stva*. [Soviet City of the 1940s — First Half of the 1950s: From Creative Searches to Construction Practice. In Russ.]. Moscow, Librom, URSS, 2009. 422 p.

Likhachev, D. S. *Ya vspominayu*. [I Remember. In Russ.]. Moscow, Progress, 1991. 253 p.

Lomagin, N. A. Postigaya smysl blokady: novye metody izucheniya blokadnoi povsednevnosti [Understanding the Meaning of the Blockade: New Methods of Studying the Everyday Life of the Blockade. In Russ.]. In *Noveishaya istoriya Rossii*. 2023. No. 4, pp. 833–839.

Naumov, S. Yu. (ed.). *Istoricheskaya pamyat' o Velikoi Otechestvennoi voine: problemy evolyutsii, formirovaniya i vospriyatiya: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*, Saratov, 10–11 noyabrya 2021 g. [Historical Memory of the Great Patriotic War: Problems of Evolution, Formation and Perception: Materials of the International Scientific and Practical Conference. In Russ.]. St. Petersburg, Skifiya-print, 2022. 507 p.

Palmer, S. How Memory was Made: The Construction of the Memorial to the Heroes of the Battle of Stalingrad. In *The Russian Review*. 2009. Vol. 68, iss. 3, pp. 373–407.

Popov, A. D. Memorial'noe sooruzhenie kak istochnik po istorii pamyati: kompleksnyi podkhod k izucheniyu [Memorial Structure as a Source of History of Memory: an Integrated Approach to the Study. In Russ.]. In *Ural'skii istoricheskii vestnik*. 2024. No. 3 (84), pp. 98–106.

Popov, A. D. Sozdanie memorial'nogo kompleksa "Geroyam Stalingradskoi bitvy" na Mamaevom kurgane: istoricheskaya pamyat', iskusstvo i sovetskaya monumental'naya propaganda [Creation of the Memorial

Complex “To the Heroes of the Battle of Stalingrad” on Mamayev Kurgan: Historical Memory, Art and Soviet Monumental Propaganda. In Russ.]. In *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2023. Vol. 28. No. 1, pp. 209–221.

Popov, A. D., Pivovarov, N. Yu., Sak, K. V. Ritmy proshlogo: pervye godovshchiny Velikoi Otechestvennoi voyny v sovetskoi politike pamyati (1945–1965) [Rhythms of the Past: The First Anniversaries of the Great Patriotic War in Soviet Memory Politics (1945–1965). In Russ.]. In *Rossiiskaya istoriya*. 2023. No. 3, pp. 95–114.

Sobolev, G. L. (ed.). *Bitva za Leningrad 1941–1944 gg.: podvig gorod-geroya v Velikoi Otechestvennoi voine* [The Battle of Leningrad 1941–1944: the Feat of the Hero City in the Great Patriotic War. In Russ.]. St. Petersburg, Nestor-Istoria, 2019. 312 p.

Yarov, S. *Blokadnaya etika. Predstavleniya o morali v Leningrade v 1941–1942 gg.* [Blockade Ethics. Moral Concepts in Leningrad in 1941–1942. In Russ.]. Moscow, Tsentrpoligraf; St. Petersburg, Russkaya troika-SPb, 2013. 602 p.

Zubkova, E. Yu. “Ne-stalinskii” Sovetskii Soyuz: formirovanie i transformatsiya novogo mezhdunarodnogo imidzha strany v gody ottepeli (1953–1968) [“Non-Stalinist” Soviet Union: Formation and Transformation of the New International Identity of the Country in the Old Testament (1953–1968). In Russ.]. In *Rossiiskaya istoriya*. 2023. No. 6, pp. 13–25.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Е. Ю. Зубкова. «Победа и великое Прощание»: коллективная память и политика памяти о Великой Отечественной войне. 1945–1965 гг. // Петербургский исторический журнал. 2025. № 2. С. 9–21

Аннотация: В России существуют и сосуществуют несколько памятей о войне: одна формировалась спонтанно как живой опыт пережитого, другая была результатом реализации целевого государственного проекта, результатом политики по конструированию памяти. В какой степени государственный коммеморативный проект учитывал общественный запрос на память о войне? Какие цели преследовала государственная политика памяти, создавая образ Великой Отечественной войны? Как этот образ воплощался в различных мемориальных форматах? Этим и другим вопросам формирования памяти о войне — от Дня Победы 1945 г. и до Дня Победы 1965 г. — посвящена статья.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, коллективная память, политика памяти, коммеморативный проект.

FOR CITATION

E. Yu. Zubkova. “Victory and the Great Farewell”: Collective Memory and the Policy of Remembering the Great Patriotic War. 1945–1965 // Petersburg Historical Journal, no. 2, 2025, pp. 9–21

Abstract: In the Russian context, multiple memories of the war coexist, with one type forming spontaneously as a “living” experience of what was lived through, and the other emerging as the result of a targeted state project, driven by a policy on constructing memory. To what extent did the state commemorative project take into account the public demand for remembrance of the war? Furthermore, what objectives did the state memory policy pursue in creating the image of the Great Patriotic War? In what ways did this image manifest itself in various memorial formats? The present article is devoted to these and other issues of the formation of memory of the war — from Victory Day 1945 to Victory Day 1965.

Key words: Great Patriotic War, collective memory, memory policy, commemorative project.

Автор: Зубкова, Елена Юрьевна — д. и. н., главный научный сотрудник, руководитель Центра социальной истории России, Институт российской истории РАН (Москва, Россия).

Author: Zubkova, Elena Yurievna — Dr. in History, Chief Researcher, Head of the Centre for the Social History of Russia, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

E-mail: elena.zubkova@mail.ru